

Статья посвящена изучению связи между эмоциональными личностными чертами человека и особенностями распознавания им эмоций других людей. Выдвигаются и обосновываются две альтернативные гипотезы, описывающие связь между эмоциональными личностными чертами и чувствительностью к эмоциям определённой модальности: гипотезы конгруэнтности и комплементарности. Вводится понятие чувствительности к эмоциям разной модальности, предлагается оригинальный способ её измерения. Получено подтверждение гипотезы комплементарности.

Ключевые слова: распознавание эмоций; эмоциональные личностные черты; принцип комплементарности; принцип конгруэнтности.

The relationship between observer's emotional personality traits and his recognition of other people's emotions was studied. Two alternative hypotheses that predicted the relationship between emotional personality traits and sensitivity to certain emotion kinds - congruency and complementarity hypotheses - were made and tested. The notion of sensitivity to emotions of different kinds and the method for its measurement were suggested. The complementarity hypothesis was confirmed.

Key words: emotion recognition; emotional personality traits; complementarity principal; congruency principal.

Д. В. Люсин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: ooch@mail.ru

Е. А. Климова, В. В. Медведева

Институт психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета

E-mail: klimovalisa@rambler.ru

E-mail: mvarvara15@mail.ru

Связь между эмоциональными личностными чертами наблюдателя и чувствительностью к эмоциям определённой модальности*

Научная статья

D. V. Lyusin

National Research Institute Higher School of Economics

E-mail: ooch@mail.ru

E. A. Klimova, V. V. Medvedeva

Vygotsky Institute of Psychology of the Russian State University for the Humanities

E-mail: klimovalisa@rambler.ru

E-mail: mvarvara15@mail.ru

The Relationship Between Observer's Emotional personality traits and Sensitivity to Certain Emotion Kinds

Scientific article

Распознавание эмоций – давний предмет исследований в психологии, который изучается в рамках разных подходов – от психометрического, представленного прежде всего работами в области эмоционального интеллекта [1], до кросс-культурного, представленного работами П. Экмана [2], Дж. Рассела [3]

и других авторов. Несмотря на большое количество исследований, в экспериментальной психологии до сих пор мало внимания уделялось тому, каким образом распознавание эмоций связано с личностными чертами наблюдателя. Интуитивно кажется правдоподобным, что такая связь должна существовать.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году при финансовой поддержке программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» за 2009–2013 гг. Министерства образования и науки Российской Федерации.

© Люсин Д. В., 2014

© Климова Е. А., 2014

© Медведева В. В., 2014

Например, можно ожидать, что высоко тревожный человек будет особенно чувствителен к стимулам, представляющим потенциальную опасность, что выражается в известной поговорке «пуганая ворона куста боится». Действительно, явления такого рода описаны как в психотерапевтической литературе, так и в экспериментальных исследованиях. Так, в цикле работ А. Эмана [4], в исследованиях эмоционального эффекта Струпа [5] и в ряде других исследований [6], зафиксировано, что люди с повышенной тревожностью особенно чувствительны к угрожающим стимулам и легче их перерабатывают. Вместе с тем нам не удалось обнаружить аналогичные экспериментальные работы, в которых исследователи пытались бы выяснить, как личностные черты наблюдателя влияют на особенности распознавания им эмоций других людей.

В настоящем исследовании была предпринята попытка восполнить этот пробел. В качестве отправной точки мы выбрали линию исследований, посвящённых влиянию эмоциональных личностных черт на переработку эмоциональной информации. Под эмоциональными личностными чертами в данном случае понимаются устойчивые личностные диспозиции, предопределяющие склонность человека испытывать эмоции определённой модальности. Примерами эмоциональных личностных черт могут быть тревожность (склонность испытывать эмоции типа тревоги, страха), депрессивность (склонность испытывать эмоции типа грусти), агрессивность (склонность испытывать эмоции типа злости). Существует ряд исследований, где сделана попытка выявить связь эмоциональных личностных черт с переработкой эмоционально окрашенных стимулов. В обзоре Ч. Растинг [7] показано, что в тех случаях, когда такую связь удаётся выявить, она строится, как правило, по принципу конгруэнтности. Это означает, что происходит фасилитация переработки стимулов, эмоциональная окраска которых по модальности соответствует эмоциональным личностным чертам испытуемого.

Можно предположить, что аналогичные феномены должны наблюдаться и при распознавании эмоций, особенно если рассматривать такой аспект распознавания, как чувствительность к эмоциям. Способ измерения чувствительности к выраженности эмоций был предложен в рамках Видеотеста на распознавание эмоций Овсянниковой-Люсина [8]. Для целей настоящего исследования показатель чувствительности был несколько модифицирован. Нам требовалось измерить чувствительность к эмоциям определённой

модальности. Для этого необходимо подобрать шкалы, представляющие собой названия эмоций, относящихся к одной и той же модальности. Шкалы можно подобрать таким образом, чтобы в рамках единой процедуры измерять одновременно чувствительность к эмоциям нескольких модальностей. Эта идея была реализована в настоящей работе (более подробное описание приводится ниже в Исследовании 1).

С помощью предложенной методологии можно изучать связь эмоциональных личностных черт с чувствительностью к эмоциям определённой модальности. Однако перенос принципов конгруэнтности, сформулированных в исследованиях переработки эмоционально окрашенной информации, на область социальной перцепции требует некоторых уточнений. Характер связи между эмоциональными личностными чертами наблюдателя и оценкой эмоционального состояния других людей может зависеть от модальности эмоций. В настоящей работе мы рассматривали две пары эмоций: страх-злость и радость-грусть.

В ряде традиционных теорий эмоций страх и злость образуют противоположную пару, например в теориях Р. Плутчика [9] и К. Изарда [10]. Соответствующая им пара эмоциональных черт – это тревожность и агрессивность. Если буквально следовать принципу конгруэнтности, то можно было бы предположить, что тревожность положительно связана с чувствительностью к проявлениям страха у других людей, а агрессивность – с чувствительностью к проявлениям злости. Однако и житейский опыт, и теоретические представления об этой паре эмоций входят в противоречие с таким предположением. Общепринято считать, что страх связан с мотивационной тенденцией избегания, а злость – с мотивационной тенденцией приближения (например, [11]). Более логично ожидать прямо противоположные отношения между рассматриваемыми чертами и эмоциями. Можно предположить, что тревожность должна быть положительно связана с чувствительностью к злости. Так, высоко тревожный человек должен особенно легко замечать признаки агрессии у других людей, иногда даже ошибочно интерпретируя те или иные формы поведения как агрессивные. Аналогично, человек с повышенной агрессивностью может особенно легко замечать признаки страха в поведении других людей, что помогает ему найти потенциальную жертву. Такое соотношение можно назвать принципом комплементарности: злость комплементарна по отношению к тревожности, а страх комплементарен по отношению к агрессивности.

Другой парой эмоций, которые часто описываются как противоположные (в том числе, и в теориях Р. Плутчика и К. Изарда), являются радость и грусть. Однако мотивационные тенденции, связанные с этими эмоциями, оказываются не столь очевидно противоположными, как в случае страха и злости. Относительно грусти нет однозначных представлений, связана ли она с мотивационными тенденциями избегания или приближения. Некоторые люди в состоянии грусти стремятся к уединению и избегают социальных контактов; другие, напротив, ищут социальной поддержки и испытывают потребность поделиться своими переживаниями с окружающими. Радость обычно связывают с готовностью вступать в социальные контакты и с открытостью новому опыту [12], то есть, скорее, с мотивацией приближения. Однако существуют и более «спокойные» варианты радости, близкие к состоянию удовлетворённости, связанные с низкой интенсивностью мотивационной направленности. Таким образом, по крайней мере, с мотивационной точки зрения нельзя однозначно сказать, что радость и грусть образуют антагонистическую пару. Применительно к этим эмоциям с большей уверенностью можно ожидать, что будет работать принцип конгруэнтности. Это означает, что такая личностная черта, как диспозициональная радость, будет положительно связана с сензитивностью к проявлениям радости у других людей и диспозициональная грусть будет положительно связана с сензитивностью к проявлениям грусти.

Таким образом, можно сформулировать две альтернативные гипотезы относительно соотношения между эмоциональными личностными чертами и сензитивностью к эмоциям определённой модальности. Гипотеза комплементарности состоит в том, что чем больше выражена определенная эмоциональная личностная черта, тем выше сензитивность к проявлениям эмоции противоположной модальности (предположительно это случай страха и злости). Гипотеза конгруэнтности состоит в том, что чем больше выражена определенная эмоциональная личностная черта, тем выше сензитивность к проявлениям эмоции соответствующей ей модальности (предположительно случай радости и грусти). Для проверки этих гипотез нами было проведено два исследования.

Исследование 1. Связь тревожности и агрессивности с сензитивностью к проявлениям страха и злости.

Первое исследование было направлено на проверку предположения о том, что между агрессив-

ностью и тревожностью, с одной стороны, и сензитивностью к страху и злости – с другой, существует связь по принципу комплементарности. Это означает, что (гипотеза 1) должна существовать прямая связь между такой личностной чертой наблюдателя, как тревожность, и его сензитивностью к проявлениям злости у других людей и в то же время (гипотеза 2) должна существовать прямая связь между такой личностной чертой наблюдателя, как агрессивность, и его сензитивностью к проявлениям страха у других людей.

Выборка состояла из 44 человек, студентов и представителей разных профессий в возрасте от 17 до 36 лет ($M = 22.5$, $SD = 3.94$), из них 21 женщина (48 %). Испытуемые работали на добровольной основе.

Для измерения сензитивности к проявлениям страха и злости была разработана специальная видеометодика, аналогичная Видеотесту на распознавание эмоций Овсянниковой-Люсина. В качестве стимульного материала использовались семь видеороликов длительностью примерно в одну минуту, представлявших реальное поведение людей в естественных жизненных ситуациях (см. табл. 1). Видеоролики подбирались таким образом, чтобы зритель мог видеть мимику и жестикуляцию персонажа, слышать его голос, понимать общий смысл ситуации. Персонажи либо находились в состоянии страха, напряжения, либо в состоянии раздражения, злости, либо в смешанном состоянии, которое можно было понять и как тревогу, и как агрессию. Во всех видеороликах эмоциональное состояние персонажа не вполне очевидно и с трудом поддается однозначной трактовке.

Испытуемым поочередно предъявлялось семь роликов, каждый по два раза. Перед просмотром сообщалось, эмоциональное состояние какого персонажа надо будет оценить. После двукратного просмотра каждого ролика испытуемых просили оценить эмоциональное состояние участника видеосюжета.

Шкалы для оценки эмоциональных состояний персонажей в исследовании 1.

Удивление	0	1	2	3	4	5
Страх	0	1	2	3	4	5
Раздражение	0	1	2	3	4	5
Расслабленность	0	1	2	3	4	5
Тревога	0	1	2	3	4	5
Злость	0	1	2	3	4	5
Интерес	0	1	2	3	4	5
Беспокойство	0	1	2	3	4	5
Негодование	0	1	2	3	4	5
Вина	0	1	2	3	4	5

Видеоролики, использованные в исследовании 1

№ видеоролика	Содержание видеоролика	Персонаж, состояние которого оценивается
1	Начальник ТЭЦ рассказывает о перспективах его работы перед посетившей объект комиссией.	Начальник ТЭЦ
2	Молодой человек произносит агитационную речь, призывая толпу к сопротивлению властям.	Молодой человек
3	Неожиданно подошедшие люди выясняют у инспекторов ГИБДД, почему они не помогают растерявшемуся водителю, тем самым способствуя нарушению им ПДД.	Один из инспекторов ГИБДД
4	Тренер волейбольной команды дает наставления игрокам во время тайм-аута.	Тренер
5	Молодой человек защищает дипломную работу перед комиссией.	Молодой человек
6	Старшеклассницы запугивают, задирают юношу, с которым вместе учатся.	Юноша
7	Учащиеся смеются над учительницей во время урока, в ответ она возмущается и передразнивает их.	Учительница

Для измерения тревожности испытуемых как эмоциональной личностной черты применялся опросник Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина [13]. Для измерения агрессивности применялся опросник А. Басса и А. Дарки в адаптации А. К. Осницкого [14].

В таблице 2 приведены описательные статистики для анализируемых переменных. Выраженность сензитивности к страху и агрессии в целом по выборке можно оценить как среднюю (с учётом использованной шестибальной шкалы), внутренняя согласованность всех переменных достаточно высокая для их использования в исследовательских целях.

Таблица 2

Описательные статистики для всех переменных Исследования 1

Переменная	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	Коэффициент α Кронбаха
Сензитивность к страху	2.78	0.653	0.755
Сензитивность к злости	2.32	0.647	0.578
Тревожность как личностная черта	37.9	9.99	0.902
Индекс агрессивности	23.5	6.37	0.785

Для проверки выдвинутых гипотез были вычислены коэффициенты корреляции между измеренными личностными чертами и видами сензитивности (см. табл. 3). Получены положительные статистически значимые связи между тревожностью и сензитивностью к проявлениям злости ($r = .447$), а также между агрессивностью и сензитивностью

к проявлениям страха ($r = .303$), что соответствует выдвинутым предположениям. Примечательно, что связи между измеренными личностными чертами и видами сензитивности, соответствующими им по модальности, оказались статистически не значимыми и практически равными нулю: $r = -.090$ между тревожностью и сензитивностью к проявлениям страха и $r = .085$ между агрессивностью и сензитивностью к злости. Таким образом, показана специфичность полученных связей между личностными чертами и сензитивностью к эмоциям определённых модальностей и выдвинутые гипотезы можно считать подтверждёнными. Действительно, как и предполагалось, между тревожностью и агрессивностью и сензитивностью к соответствующим им эмоциям существует связь по принципу комплементарности. Также показано, что для страха и злости не работает принцип конгруэнтности.

Исследование 2. Связь диспозициональной радости и диспозициональной грусти с сензитивностью к проявлениям радости и грусти.

Второе исследование было посвящено проверке предположения о том, что между диспозициональной радостью и грустью, с одной стороны, и сензитивностью к радости и грусти – с другой, существует связь по принципу конгруэнтности. Это означает, что (гипотеза 1) такая личностная черта наблюдателя, как диспозициональная радость, должна быть положительно связана с сензитивностью к проявлениям радости у других людей и в то же время (гипотеза 2) такая личностная черта, как диспозициональная грусть, должна быть положительно связана с сензитивностью к проявлениям грусти у других людей.

Выборка состояла из 34 человек, студентов и представителей разных профессий в возрасте

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Спирмена между тревожностью и агрессивностью наблюдателей и их сензитивностью к проявлениям страха и злости

Переменная	Тревожность как личностная черта	Агрессивность как личностная черта	Сензитивность к страху	Сензитивность к злости
Тревожность как личностная черта		.137 (.375)	-.090 (.560)	.447** (.002)
Агрессивность как личностная черта			.303* (.045)	.085 (.584)
Сензитивность к страху				.350* (.020)

Примечание. В скобках приведены значения r , * – $p < .05$, ** – $p < .01$

от 18 до 24 лет ($M = 20.4$, $SD = 1.33$), из них 23 женщины (68 %). Испытуемые работали на добровольной основе.

Для измерения сензитивности к проявлениям радости и грусти была разработана специальная видеометодика, практически идентичная видеометодике, использованной в исследовании 1. Отличия

заклучались лишь в подобранных видеороликах и в шкалах для оценки эмоциональных состояний. Персонажи видеороликов находились в состояниях, похожих на радость или грусть, однако эти состояния были довольно неоднозначными и могли по-разному интерпретироваться испытуемыми. Краткая характеристика видеороликов приведена в табл. 4.

Таблица 4

Видеоролики, использованные в исследовании 2

№ видеоролика	Содержание видеоролика	Персонаж, состояние которого оценивается
1	Девушка воодушевленно сообщает о том, что её ударили.	Девушка
2	Преподаватель проверяет работу у студента, ругает его за ошибки.	Студент
3	Девушка радуется полученному SMS-сообщению.	Девушка
4	Женщину встречают из роддома, фотографируют её с ребенком.	Женщина
5	Молодой человек готовится к опасному прыжку с моста.	Молодой человек
6	Женщина рассказывает о наводнении, о том, как им с ребенком пришлось спастись от затопления.	Женщина
7	Студент готовится к сдаче диплома и рассказывает о своих страхах в связи с возможной неудачей.	Студент

По аналогии с видеометодикой из исследования 1 для оценки эмоциональных состояний персонажей давался список из 10 названий эмоций. Показатели сензитивности к радости и грусти вычислялись так же, как показатели сензитивности к страху и злости в исследовании 1.

Шкалы для оценки эмоциональных состояний персонажей в исследовании 2.

Волнение	0 1 2 3 4 5
Радость	0 1 2 3 4 5
Неудовольствие	0 1 2 3 4 5
Злость	0 1 2 3 4 5
Воодушевление	0 1 2 3 4 5
Подавленность	0 1 2 3 4 5
Расслабление	0 1 2 3 4 5
Удовольствие	0 1 2 3 4 5
Грусть	0 1 2 3 4 5
Удивление	0 1 2 3 4 5

Для измерения диспозициональной радости использовались две методики. Первая из них – методика «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина [15]. Вторая методика – «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина [15], состоящая из пяти утверждений, каждое из которых испытуемому также необходимо оценить применительно к себе по семибалльной шкале. Для измерения диспозициональной грусти была использована Шкала депрессии А. Бека в адаптации Н. В. Тарабриной [16], которая направлена на оценку депрессивной симптоматики.

Работа с испытуемыми проводилась индивидуально. Сначала испытуемые заполняли опросники в следующем порядке: методика Любомирски,

методика Динера, методика Бека. Затем проводилась видеометодика на сензитивность (см. табл. 5).

Таблица 5

**Описательные статистики
для всех переменных исследования 2**

Переменная	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	Коэффициент α Кронбаха
Сензитивность к радости	1.95	0.655	0.829
Сензитивность к грусти	1.31	0.423	0.651
Диспозициональная радость	4.9	0.61	0.713
Диспозициональная грусть	7.26	5.48	0.821

Для проверки выдвинутых гипотез был проведён корреляционный анализ. Не получено никаких статистически значимых связей между диспозициональной радостью и грустью и сензитивностью к проявлениям радости и грусти. Следовательно, гипотеза конгруэнтности для данных эмоций не подтвердилась. Примечательно, что также не получено данных, которые свидетельствовали бы в пользу гипотезы комплементарности (см. табл. 6).

Обобщая результаты двух исследований, можно констатировать, что гипотеза комплементарности получила подтверждение для эмоций страха и злости, а гипотеза конгруэнтности не получила подтверждения ни для эмоций радости и грусти, ни для эмоций страха и злости. То, что принцип конгруэнтности не сработал ни для одной из четырёх изученных модальностей, кажется особенно примечательным, потому что противоречит высказываемой в литературе идее о существовании конгруэнтности при переработке эмоционально окрашенной информации.

Однако из полученных результатов можно сделать более содержательные выводы. Один из них

состоит в том, что вряд ли возможно формулировать какие бы то ни было универсальные принципы, применимые к эмоциям любой модальности. Для одних эмоций может быть верен принцип комплементарности, для других – принцип конгруэнтности, для третьих – ни тот ни другой. Эмоции разных модальностей существенно различаются по мотивационной основе, роли физиологических процессов, характеру связи с когнитивными процессами и по ряду других параметров. Поэтому наиболее продуктивными кажутся не попытки находить универсальные закономерности, а попытки определить, на каком круге эмоций работают определённые закономерности и почему они ограничены этим кругом.

Также из полученных результатов следует, что связь между эмоциональными личностными чертами и сензитивностью к эмоциям существует, но в её основе могут лежать не только принципы комплементарности или конгруэнтности, но и нечто другое, например принцип релевантности. Можно предположить, что каждой эмоциональной личностной черте соответствует некоторая мотивационная тенденция или готовность к действию. В соответствии с этим человек в окружающей среде, в том числе социальной, обращает внимание на релевантную информацию, способствующую реализации его мотивационных тенденций. Тогда для агрессивных людей будут релевантными признаки страха у окружающих, для тревожных людей – признаки угрозы, для грустных – возможно, признаки внимания со стороны других, нежности, готовности помочь. Такие предположения требуют дальнейшей теоретической проработки и эмпирических проверок, однако это направление исследований может оказаться плодотворным для объяснения связи между эмоциональными личностными чертами и сензитивностью к эмоциям других людей.

Таблица 6

Коэффициенты корреляции Спирмена между диспозициональной радостью и грустью и сензитивностью к проявлениям радости и грусти

Переменная	Диспозициональная радость	Диспозициональная грусть	Сензитивность к радости	Сензитивность к грусти
Диспозициональная радость		-.591** (<.001)	.102 (.564)	-.121 (.495)
Диспозициональная грусть			-.179 (.312)	.125 (.483)
Сензитивность к радости				.369* (.032)

Примечание. В скобках приведены значения p , * – $p < .05$, ** – $p < .01$

Ссылки

1. Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D. Emotional intelligence: Science and myth. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002.
2. Ekman P. The Argument and Evidence about Universals of Facial Expressions of Emotion // Handbook of Social Psychophysiology / Ed. by H. Wagner and A. Manstead. NY: Wiley, 1989. P. 143–164.
3. Russell J. A. Is There Universal Recognition of Emotion From Facial Expression? A Review of the Cross-Cultural Studies // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 115, № 1. P. 102–141.
4. Öhman A. Fear and Anxiety: Evolutionary, Cognitive, and Clinical Perspectives // Handbook of Emotions. Second Edition / Ed. by M. Lewis & J. M. Haviland-Jones (Eds.). N. Y.: Guilford Press, 2004. P. 573–593.
5. Сысоева Т. А. Выраженность эмоционального эффекта Струпа и эмоциональный интеллект // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6.
6. Овсянникова В. В., Шабалина Т. А. Связь эффективности переработки эмоциональной информации с эмоциональными личностными характеристиками // Когнитивная психология: феномены и проблемы / под ред. В. Ф. Спиридонова. М.: URSS, 2013. С. 161–171.
7. Rusting C. L. Personality, Mood, and Cognitive Processing of Emotional Information: Three conceptual Frameworks // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124, № 2. P. 165–196.
8. Люсин Д. В., Овсянникова В. В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6. С. 79–81.
9. Plutchik R. Emotion: A Psychoevolutionary Synthesis. N. Y.: Harper Row, 1980.
10. Izard C. E. Human Emotions. N. Y.: Plenum Press, 1977.
11. Frijda N. H. The Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
12. Fredrickson B. L. What good are positive emotions? // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, № 3. P. 300–319.
13. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Л., 1976. 40 с.
14. Осницкий А. К. Психология самостоятельности: Методы исследования и диагностики. Москва; Нальчик: Эль-Фа, 1996. 126 с.
15. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.
16. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.